

В день 199-й годовщины со дня рождения А.С. Пушкина в "Труде" были напечатаны фрагменты новой, еще не опубликованной книги известного пушкиниста, директора Института русской литературы (Пушкинский дом) академика Николая Скатова. Речь в той публикации шла о женитьбе поэта, о роли Натальи Николаевны в его судьбе. Новые фрагменты книги, предоставленные Н.Н. Скатовым нашей газете, посвящены событиям, предшествовавшим роковой дуэли.

Довольно молодой нидерландский дипломат барон Луи Борхард Беверваард Геккерн обосновался в русской столице еще в начале 20-х годов: сначала в роли поверенного в делах, а позднее и посланника. К началу 30-х барон уже прошел десятилетнюю школу светско-дипломатической жизни. Хитрый, злой и злоречивый, он не был тем не менее особо примечательной личностью. Лишь позднее, будучи направленной против великого явления, мелкая, по сути, злобность умелого интригана в общем восприятии бесконечно укрупнилась и демонизировалась. Но одно обстоятельство барона выделяло — даже на фоне очень свободных нравов тогдашней светской жизни. "Старик барон Геккерн, — свидетельствует современник, — был известен распутством, он окружал себя молодыми людьми наглого разврата". Большинство этого окружения как раз составляли те, кого позднее стали называть сексуальным меньшинством. Кстати сказать, часто встречающееся применительно к Геккерну слово "старик" и даже "старичок" довольно условно. И хотя к моменту гибели нашего поэта ему было уже 45 лет, он много пережил Пушкина и умер действительно стариком, почти через 50 лет. "Старым" барона Геккерна называли и в отличие от молодого барона Геккерна, каковым стал в мае 1836 г. барон Дантес. Еще в 1833 году два барона случайно встретились в Германии. В Россию бароны въехали вместе, охваченные взаимной симпатией и нежными чувствами. Позднее этот, как были уверены многие, противоестественный брак был оформлен в виде родственного союза — старый барон усыновил молодого.

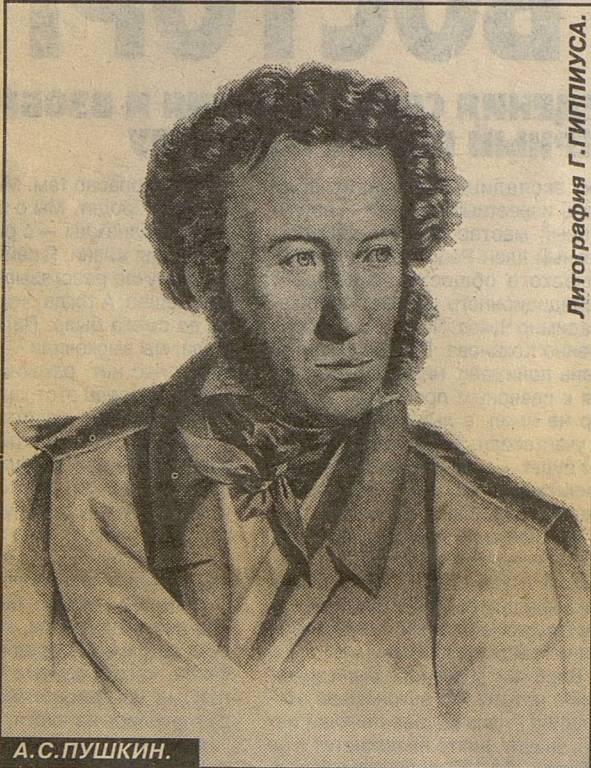
Тогда еще не была принята та милая непосредственность, с которой, например, нынешняя эстрадная звезда (мужского пола) на вопрос о семейном положении печатно кокетничает: "Замужем". И не было словесных поэтических одеяний вроде "геев": почти "феи". Говорили проще, хотя обычно и пользовались словом-сокращением "аст". П.В. Анненков еще по горячим следам и свидетельствам современников прямо записал: "Геккерн был педераст, ревновал Дантеса и потому хотел его погубить с семейством Пушкина". Вообще эта сторона дела во всей затейливой Геккерном кутерьме тоже довольно существенна, хотя, понятно, внешне не очень явственна.

Дантес действительно приехал в Россию "на ловлю счастья и чинов". У него были довольно высо-

Николай СКАТОВ

ПАЛ, ОКЛЕВЕТАННЫЙ...

КАК ПОГИБ ПУШКИН

А.С. ПУШКИН.

Литография Г. ГИППИУСА.

Так что о "порыве страсти" и говорить не приходится. В книге "Пушкин в 1836 году" С.Л. Абрамович показала, как в пору "порыва страсти" к Н.Н. Пушкиной у Дантеса явно возникают виды на выгоднейший брак с М.И. Барятинской: "Ж. Геккерн пытался продолжать свой флирт с юной княжной и тогда, когда в свете громко заговорили о его ухаживании за госпожой Пушкиной. Видимо, он питал какие-то надежды на брак с Марией Барятинской и не хотел упустить такой возможности. Порождением с этой семьей — значило окончательно упрочить свое положение". Впрочем, как оказалось, не на тех напал.

Тем не менее с самого начала возникла, а точнее — была внедрена и в дальнейшем распространилась легенда о влюбленности Жоржа Дантеса в Наталью Николаевну Пушкину. Лишь много позднее, уже в наше время, ее отчасти поставила под сомнение Анна Андреевна Ахматова, полагавшая, что с определенного момента такая "влюбленность" перешла в раздражение и даже в ненависть.

Между тем есть все основания думать, что **никакой** влюбленности Дантеса в жену Пушкина **никогда** не было. А по всему складу характера и жизнеположению этого человека и быть не могло.

Сильнее того: во всем тогдашнем светском обществе Дантес более, чем кто-либо, был надежен от застрахован от каких бы то ни было чувств, которые можно хоть как-то назвать любовью, и менее, чем кто-либо, вообще был к этому способен. Собственно, никогда и никаких доказательств такой не только вер-

ной, прочной любви, но даже простой временной влюбленности не было и нет.

Что же было?

Единственным человеком, кто почти с самого начала понял суть дела, был сам Пушкин.

Великий сердцевед, к тому же в данном случае особенно расположенный к пристрастному вниманию и пристальному вглядыванию, уже подводя итоги, констатировал, говоря о Дантесе, с абсолютной точностью: "разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец".

Плут и подлец, разыгрывающий преданность и любовь. Только и всего. Просто в исполнении дела и в последующем общем раз-

за хвост птицу счастья. По всем небожеским и нечеловеческим законам это было бы необычайным везением и редчайшей удачей. **Смесь и дерзко презирая земли чужой язык и нравы**, самоуверенный и наглый фат, видимо, не сомневался в успехе. Но! Протанцевать — пожалуйста. Пококетничать — да. Это, кстати сказать, было слабостью Натальи Николаевны, если это вообще можно назвать слабостью прелестной двадцатичетырехлетней женщины. Точнее: ее особенностью. Конечно же, она отнюдь не была кокеткой в привычном смысле этого слова. Но она всегда — и тогда, и позднее — была неравнодушна к своему успеху, к тому впечатлению, которое производила на

нообразном и противоречивом восприятии все усложнялось, будучи вставлено в общую интригу общественной борьбы, светских сплетен и бытового злоречия.

Что такое Пушкин-поэт, Дантеса, конечно, не занимало: "Не могши щадить он нашей славы" (скажем, В.А. Соллогуб при предполагавшейся дуэли с поэтом твердо решил не стрелять в Пушкина, но выдерживать его огонь, сколько ему будет угодно). И хотя — пусть опосредованно — место Пушкина в жизни общества он, Дантес, конечно, не мог не знать, но, конечно, мог не щадить: "не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал".

А вот то, что жена Пушкина была, как теперь принято говорить, первой леди страны, он, подобно всем вокруг, видел и знал.

Дело в том, что роман с какой-нибудь видной представительницей высшего света обычно входил в джентльменский набор молодого светского льва. "Роман" с первой красавицей, петербургской легендой, женой Пушкина для "расчетливого" и "сухого до крайности" Дантеса отнюдь не был порывом страсти, но входил как раз в расчет на то, чтобы делать имя,

людей, равнодушна не к тем или иным искателям и претендентам, а именно к своему успеху, к впечатлению, которое она способна произвести.

Потому же тонкий знаток человеческих душ и единственный и любимый мужчина-муж — Пушкин, с одной стороны, довольно часто — и чаще всего шуточно — просит ее не кокетничать, а с другой, судя по письмам, служит этой "слабости", на протяжении многих лет не истощаясь в своих ею восхищениях и в комплиментах. По словам ближайшей Пушкиным Веры Федоровны Вяземской, Наталья Николаевна "и не думала скрывать, что ей приятно видеть, как в нее влюблен красивый и живой француз". "Я готова отдать голову на отсечение, что все тем и ограничивалось и что Пушкина была невинна", — свидетельствовала Вяземская уже позднее. Николай Михайлович Смирнов, тоже достаточно близкий к пушкинской семье, вспоминал: "Наталья Николаевна, быть может, немного тронутой сим новым обожанием (невзирая на то, что искренне любила своего мужа до такой степени, что даже была ревнива...>) или из неосторожного кокетства, принимала волокитство Дантеса с удовольствием". По словам самой Натальи Николаевны, "мне с ним просто весело". И — все.

Все это естественно, обычно, понятно и не содержит ничего страшного, если не смотреть задним числом, глядя от зловещего конца, которого тогда ничто не предвещало. "Так как, — писал позднее Пушкин в наброске первого письма Геккерну о тогдашнем поведении Дантеса, — оно не выходило из границ светских приличий и так как я притом знал, насколько в этом отношении моя жена заслуживает мое доверие и мое уважение, я довольствовался ролью наблюдателя, с тем чтобы вмешаться, когда сочту это своевременным".

А как только Дантес попытался выйти за определенную грань в своих притязаниях, он получил от жены Пушкина немедленный и решительный отпор.

И тогда, выпутываясь из ложного, рожденного отказом положения и не желая признаваться в поражении, плут и подлец предпринимает розыгрыш, в котором, по замыслу, убивается целая куча зайцев.

(Продолжение следует.)

Барон Луи ГЕККЕРН.

Гравюра КАРАМЗИНА.

привлекать взоры, оказываться в центре внимания, то есть был составной в "ловле счастья и чинов". Только и всего.

Стать любовником жены Пушкина значило для Дантеса поймать